

© 1997 г. Р. МАРОВЕВИЧ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ТОПОНИМОВ

(деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты)

1. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

1.1. Словообразовательно-семантическая реконструкция древнеславянских топонимов, в частности древнерусских ойконимов, была предметом нескольких обобщающих трудов. Большое значение имела как в фактическом, так и в методологическом отношении, статья А.М. Селищева "Из старой и новой топонимии", опубликованная первоначально в "Трудах Московского государственного института истории, филологии и литературы" (т. V; Филологический факультет. М., 1939), впоследствии вошедшая в "Избранные труды" ученого [Селищев 1968: 45–96]. В этой работе значительное внимание А.М. Селищев уделил типам древнерусских и более поздних русских топонимов, исходя из их словообразовательной структуры и семантики их словообразующих основ.

1.2. Вторая обобщающая работа, вышедшая под названием "Структура и стратиграфия древнерусских топонимов", принадлежит польскому ономасту С. Роспонду [Роспонд 1972]. В ней предложена классификация древнерусских топонимов по формантам и по времени их фиксации в древнерусских летописях. Помимо ряда интересных наблюдений и толкований, прочно укрепившихся в славянской исторической ономастике, некоторые реконструкции Роспонда неприемлемы с точки зрения сравнительно-исторического метода или нуждаются в уточнении (см. работы, указанные в п. 1.5).

1.3. В монографии В.П. Нерознака, вышедшей в форме этимологического словаря [Нерознак 1983], делается попытка установить этимологию свыше трехсот названий древнерусских городов. Как мы показали в двух рецензиях на эту книгу [Маројевић 1987а; Мароевич 1988], словообразовательно-семантическая реконструкция древнерусских ойконимов была для автора слишком трудной задачей и в отношении словообразования, и в отношении лингвистического метода, что обусловило ряд ошибочных толкований и элементарнейших пропусков.

1.4. Коллектив авторов Института языкознания Академии наук Украины (И.М. Железняк, А.П. Корепанова, Л.Т. Масенко и А.С. Стрижак) создал в 1985 г. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі [Етимологічний словник... 1985]. Несмотря на дискуссионность некоторых этимологических решений, которая отмечена в наших рецензиях на словарь [Маројевић 1987б; Мароевич 1989а], этот лексикографический труд приравнивается к лучшим работам данного жанра в методологическом и историко-этимологическом отношении.

1.5. В том же 1985 г. вышла наша монография, посвященная посессивным производным в древнерусском языке, вторая глава которой касается топонимии [Маројевић 1985а]. Предварительно это исследование было опубликовано в сборнике "Онома-толошки прилози" [Маројевић 1985б], в котором два года спустя вышло и его продолжение [Маројевић 1987в]. Методологическим вопросам словообразовательно-

семантической реконструкции древнерусских топонимов посвящены доклады на двух научных конференциях [Маројевић 1987г; Мароевич 1993а].

1.6. В настоящей работе рассматриваются методологические вопросы исследования славянской исторической ономастики (ойконимии), главным образом на материале древнерусских названий городов; указывается на трудности реконструкции, связанные с особенностями словообразовательных формантов топонимов и их словообразующих основ; определяются факторы, способствующие увеличению достоверности словообразовательно-семантической реконструкции исходных форм топонимов, засвидетельствованных в древнерусских памятниках XI–XIV вв.

Словообразовательно-семантическая структура древнеславянских топонимов может быть представлена в рамках двух уровней анализа: формально-грамматического и семантико-категориального.

II. ГРАММАТИКА ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ТОПОНИМОВ

2.1. Первый формально-грамматический тип древнеславянских топонимов представляют собой аналитические формы, возникшие в результате топонимизации словосочетания. Чаще всего топонимизации подвергались посессивные синтагмы – словосочетания, состоящие из притяжательного прилагательного (посессива) и существительного.

2.1.1. Топонимы, возникшие в результате топонимизации посессивной синтагмы, по своей формальной структуре ближе всего атрибутивным посессивным формам с живой грамматической функцией: в них представлены и посессор (субъект посессивности) и посессум (объект посессивности). Посессор имеет форму притяжательного прилагательного, как в древнерусских микротопонимах: ...черес Греблю до Добрыни улицы в городня ворота. до Пискупли улицы [УЯр XII сп. XIV, л. 59 об.]¹. Микротопоним *Dobryňa ulica* несомненно является посессивной синтагмой, субъект посессивности которой выражен формой жен. рода ед. числа посессива *Dobryňь*, образованного в свою очередь при помощи суф. -ь. <*-’os [Мароевич 1989б: 126, 135] от личного имени *Добрыня* < **Dobryni*.

2.1.2. Посессор в синтагмах подобного типа мог быть выражен также формой родительного принадлежности, но такие примеры не засвидетельствованы, что объясняется ограниченным употреблением посессивного генетива в праславянском языке [Мароевич 1989б: 130]. Даже те примеры, в которых современное языковое сознание выделяет родительный принадлежности, в праславянском языке включали согласуемые адъективные формы: свѣтъ створиша. на убьенье его. со Александромъ братуадоуъ его. воехавшу ему во *Браневица ве рьли* [ЛИ ок. 1425, л. 258 об. (1230)]. На основании данного примера Л. Масенко реконструирует топоним *Браневица* и толкует его как родительный принадлежности антропонима **Браневиць* [Этимологічний словник... 1985: 24]. В праславянскую эпоху микротопоним *Brañeviča rьlь* имел форму посессивной синтагмы, субъект посессивности которой выражен формой жен. рода ед. числа посессива *Brañevičь*, *Brañeviča*, *Brañeviče*, образованного с помощью суф. -ь от патронима *Brañevičь*. Поскольку посессивный суф. -ь в кругу отпатронимических образований утратился к середине XIII века, посессивные синтагмы типа *Браневица рель* стали осознаваться как атрибутивные сочетания с родительным принадлежности, о чем свидетельствует отсутствие согласования в тексте Ипатьевской летописи. Однако идентификация топонима в форме изолированного (одиночного) посессивного генетива не приемлема с точки зрения древнерусской грамматики: субстантивация родительного падежа не происходила в связи с отсутствием

¹ Материал, не подтвержденный специальной ссылкой на источник, приводится по данным Картотеки Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. Данные об источниках и их сокращениях см. в [Словарь XI–XIV вв.].

несклоняемых существительных. Кроме того, редупликация предлога *въ*, столь характерная для древнерусского языка, не должна заслонять синтагматический характер топонима. Поссесивы типа *Творимиричь* 'принадлежащий Творимиричу', образованные с помощью суф. *-ь* от патронимов типа *Творимиричь*, в древнерусском языке XIV–XV вв. заменяются формами родительного принадлежности [Маројевић 1985а: 51], который проникает и в топонимию: а по *Бреховича дубье*. ꙗ *Бреховича дубья*. по Долѣшнии коньць [Гр после 1349 (ю.-р.)].

2.1.3. Топонимы, возникшие в результате топонимизации поссесивной синтагмы, сохраняли в некоторой степени свою связь с системой поссесивных категорий, о чем свидетельствует следующий древнерусский пример: а се даю своеи княгинѣ...

Желѣскова слободка з бортью съ *Ивановы*^м село^м с *Хороброва*. Исконьская слободка [Гр 1389 (2, моск.)]. Здесь мы наблюдаем описательную форму топонима с живой поссесивной функцией *Ivanovo selo Horobrova*, т.е. село Ивана Хороброва.

2.1.4. Не всегда просто отделить географические названия, возникшие в результате топонимизации поссесивной синтагмы, от тех топонимов, которые образовались в результате субстантивации поссесива. В летописном фрагменте: и бы в *селѣ* в *Рогънѣдинѣ* [ЛИ ок. 1425, л. 189 об. (1168)] можно вычлени́ть топоним в форме *Rogъnĕdino* (с опущением определяемого существительного) или в форме *Rogъnĕdino selo* (с сохранившейся поссесивной синтагмой). Потенциальная вариантность топонима обусловлена сохранением тесной связи между субстантивированной формой поссесива в функции топонима и поссесивной синтагмой, от которой он образован: Рюриковѣ же идущю из Новагорода и Смоленска. а и бы^с на *Лучинѣ* верьбноѣ недѣлѣ... и дасть ему оцъ его *Лучинѣ городѣ* [ЛИ ок. 1425, л. 201 об. (1173)]. Производящая основа поссесива *Лучинѣ* – личное имя *Лука*.

2.1.5. Приименный родительный мог возникнуть в результате калькирования греческих названий еkkлeзионимов (названий церквей). Например: прѣяша *цркъвь Дмитрия* Печеряне. и нарекоша ю Петра. съ грѣхо^м велики^м. и неправо [ЛЛ 1377, л. 99 об. (1128)]. И. Железняк еkkлeзионизм реконструирует в форме *Дмитрия*, толкуя его как родительный падеж ед. числа древнерусского христианского личного имени *Дмитрий* [Этимологічний словник... 1985: 50]. Однако первоначально и здесь могла быть представлена согласуемая форма поссесива (цркъвь) *Дмитрию*, если исходить из засвидетельствованного сербского еkkлeзионизма *црква Димитрија* (вин. пад. *цркву Димитрију*), который толкуется нами как согласованное определение в форме женского рода поссесива **Dimitrijъ*, **Dimitrija*, **Dimitrije*, образованного с помощью суф. *-ь* от личного имени *Dimitrijъ* [Маројевић 1987д].

2.1.6. Первая фиксация топонима в памятниках необязательно самая древняя. Синтагма с поссесивом на *-овъ* в Лаврентьевской летописи: въжгоша *Стефановъ монастырь*. и деревнѣ и Герьманы [ЛЛ 1377, л. 77 (1096)] отражает эпоху второй половины XIV в. (смена поссесивов на **-ѣ* поссесивами на *-овъ* в кругу личных имен на *-нъ*). Отверждение конечного согласного основы отражено в Московской летописи: *Стефанъ монастырь* и деревнѣ и Германечъ [Моск. лет., 16. К. XV в.]. Форма *Стефанечъ*, засвидетельствованная в Ипатьевской летописи: пожгоша *монастырь Стефанечъ* деревнѣ. и Германечъ. и приидоша на монастырь Печерьскыи [ЛИ ок. 1425, л. 85 (1096)], появилась скорее всего как уподобление форме *Германечъ*. Первичную форму, как нам представляется, сохраняет Воскресенская летопись: *Стефанъ монастырь*. и Деревлѣ. и Германечъ [Воскр. лет. VII, 9. К. XVI в.]. И. Железняк реконструирует топоним в форме *Стефановъ* и толкует его как поссесив на *-овъ* от древнерусского христианского личного имени *Стефанъ*, в то время как вариант *Стефанечъ* определяет как поссесив на **-j(b)* от разговорной формы

**Стефанъцъ* || *Стефан(ъ)ко* [Этимологічний словник... 1985: 145]. В микропониме *Германъць монастырь* она видит посессив на *-j(ь) от уменьшительной формы **Германькъ* древнерусского христианского личного имени *Германъ* [Этимологічний словник... 1985: 42]. В подобных случаях следует исходить из гипокористических форм с суф. -ьсь с отраженным третьим смягчением заднебных; гипокористические имена с суф. -ько не образовывали в славянских языках посессивов с суф. *-jь [Бошкович 1978: 446], они "систематически образуют самые древние топонимы и притяжательные прилагательные с суффиксом -ов" [Фролова 1962: 22].

2.2. Второй формально-грамматический тип древнеславянских топонимов представляют собой синтетические формы, возникшие в результате опущения определяемого существительного и субстантивации посессива (или вообще прилагательного). При этом род и число топонима зависит от рода и числа опущенного существительного: *Сърашь* (монастырь), *Gluchovъ*, *Lučínъ*, *Rodъnъ*, *Volodiměрь*, *Derevičъ* (городъ), *Rogъnědino*, *Bogol'uboje*, *L'ubъne* (село), *Zolotъča* (рѣка).

2.2.1. Ойконим *Къснятинъ* С. Роспонд [Роспонд 1972: 45], а вслед за ним В. Нерознак [Нерознак 1983: 100–101], толкует как посессивное производное на -иъ от уменьшительно-ласкательной формы (деминутива) *Коснята* (*Къснята*) древнерусского личного имени *Константинъ*, считая первичной форму *Къснятинъ*. Палатальность н' Роспонд объясняет мнимым "предпочтением форм с мягкой основой" в древнерусской топонимии. А. Стрижак топоним приводит в форме *Къснатинъ*, но объясняет его как субстантивированный посессив на -иъ от имени *Късната* [Этимологічний словник... 1985: 76–77].

Достоверность приведенного толкования вызывает сомнение: во-первых, потому, что в древнерусских памятниках нигде не засвидетельствовано личное имя **Къснята*, **Коснята* (трудно даже предположить, что такое имя могло существовать, так как оно должно было бы возникнуть в результате переразложения, в то время как все известные древнерусские формы на -ята образованы суффиксацией); во-вторых, форму с палатальной основой трудно объяснить вторичной палатализацией н, поскольку посессивный суф. -иъ был в живом употреблении в течение всего периода существования древнерусского языка и позднее, вплоть до наших дней. В качестве доказательства существования посессива от уменьшительной формы **Коснята* Нерознак использует отрывок из берестяной грамоты № 397 "къснятина грамата", который он цитирует неточно (см. ниже).

Приведенное толкование, следовательно, нельзя считать достоверным. Однако от него приходится полностью отказаться, потому что может быть предложено объяснение, удовлетворяющее всем параметрам достоверной словообразовательно-семантической реконструкции древнеславянских топонимов. Согласно нашему толкованию, первоначальной формой топонима следует считать форму *Къснятинъ* и толковать ее следует как субстантивированный посессив (притяжательное прилагательное) на *-jь от личного имени *Къснятинъ*: *Къsnātińъ gorodъ* 'город Константина' > *Къsnātińъ*.

Достоверность реконструкции подтверждают следующие факты: во-первых, засвидетельствованность личного имени – личное имя *Къснятинъ* быть широко распространено в древнерусском языке, ср. напр.: *Къснятинъ* Нѣжатиъ [ЛН XIII, л. 18 об. 1137]); во-вторых, засвидетельствованность посессива – от личного имени *Къснятинъ* образовывалось притяжательное прилагательное при помощи суф. *-jь вплоть до середины XIII в.: *Къснятинъ*. *Къснятинъ* отрокъ [Надп XII (20)]; *Къснятина* грамата [ГрБ 1/2 XIII, № 397]; в-третьих, форма с палатальной основой засвидетельствована в древнейших списках летописей: пожыгоша... *Къснятинъ* [ЛН XIII, л. 18 об. (1216)]; приде... къ *Кснятиню* [ЛЛ 1377, л. 82 об. (1096)]; в-четвертых, словообразовательная

модель “имена с основой на -нъ + суф. *-jь” утрачивается уже к середине XIII в., что могло привести, в результате утраты семантической мотивации, к отвердению согласного н’.

2.2.2. Исследователь должен объяснить формальные изменения, которым подвергались топонимические названия в различных списках древнерусских летописей. Из двух засвидетельствованных форм топонима *Воинь* и *Воинъ* первоначальной следует считать первую и трактовать ее как притяжательное прилагательное (посессив) на *-jь от личного имени *Воинъ*: дошедше *Воиня* [ЛЛ 1377, л. 95 об. (1110)]. В результате депалатализации конечного согласного основы получилась форма с -н: приде... къ *Воину* [ЛЛ 1377, л. 68 об. (1079)]. С. Роспонд, наоборот, считает первичной форму *Воинъ* и толкует ее как посессив на -инъ от личного имени *Воя*, сокращенного двусовного имени с первым компонентом *Вой-*. “Чередование *n-n̄* оправдано, так как для русской топонимии и особенно гидронимии типичны формы на -ь” [Роспонд 1972: 45]. Достоверность нашей словообразовательно-семантической реконструкции подтверждается, во-первых, тем, что личное имя *Воинъ* засвидетельствовано в посессивной и субстантивной форме: а *Воину*у. сѣви. Анѣдрѣю. даю... платилъ за мен(.) Данило. и *Воинъ* [Гр до 1270 (новг.)], в то время как гипокористическая форма *Воя* в древнерусском ономастиконе не засвидетельствована; во-вторых, тем, что суф. -инъ имел живую словообразовательную функцию и не нуждался в фонетических изменениях, в отличие от производных с суф. *-jь, которые подвергались отвердению. Вспомним хотя бы древнерусский ойконим *Володимѣрь* (*Володимирь*) с прозрачной словообразовательной структурой, но уже в конце древнерусского периода в памятниках намечается тенденция к депалатализации конечного согласного основы, обусловленная утратой посессивного суф. *-jь: даю... столныи свои городъ *Володимиръ* [ЛИ ок. 1425, л. 299 (1287)]. Палатальность *ṛ* в говорах сохранялась значительно дольше: “в народной среде сохранялось до недавнего времени название в прежнем виде: Володимерь – с мягким *r*” [Селищев 1968: 72].

А. Стрижак также отдает предпочтение форме *Воинъ*, но трактует иначе словообразующую основу и словообразовательный формант: *Воин* – субстантивизированный посессивно-реляционный адъектив на *-j(ь) от древнерусского апеллятива *воинъ* [Этимологічний словник... 1985: 32–33]. Значение “воїнський” пограничных городов-крепостей не подтверждается словообразовательной семантикой: суф. *-jь имел не относительное, а индивидуально-притяжательное значение.

Пример: иде Всеволодъ на Торкы. зимѣ *воиноу* [вариант Х. П.: къ *Воиню*] и побѣди Торки [ЛИ ок. 1425, л. 60 об. (1054)] не подтверждает “вариант топонима *Воино*”, как то ошибочно считает В. Нерознак (см. ниже), а является очевидным случаем, когда переписчик не понял древнерусский текст, в котором был указан топоним, и он переосмыслил его по-своему, как словосочетание *идти войною* (= идти ратью), – вместо топонима употреблено нарицательное существительное *война*². Кроме того, один и тот же топоним не мог возникнуть тремя разными способами, как его толкует упомянутый ономаст: “В основе топонима *Воинъ* лежит др.-русс. *воинъ*... Название др.-русс. города *Воино* образовано с помощью топоформанта -но от основы *вои(н)*-... Вариант названия, *Воинъ*, следует рассматривать как притяжательное прилагательное на -jь” [Нерознак 1983: 42–43].

2.2.3. Интересный материал для рассмотрения степени достоверности того или другого толкования дает древнерусский ойконим *Chorobŕь*. А. Корепанова [Этимологічний словник... 1985: 170–171] вслед за С. Роспондом [Роспонд 1972: 65]

² В Хлебниковском и Погодинском списках сохранилась первоначальная форма: къ *Воиню*.

древнерусский топоним приводит в форме *Хороборъ и толкует его как посессив на *-j(ь) от двусосновного антропонима-композиата *Хороборъ. Насколько это толкование достоверно? Его достоверность снижает, во-первых, факт, что личное имя *Хороборъ, а также антропонимический компонент *Хор-, не засвидетельствованы в славянских языках. Во-вторых, остается неясным утрата гласного *o* в самой ранней фиксации: Сѣславъ Олговичъ. скупяся съ Изяславомъ Дѣдвичемъ. у Хоробря. и утвердися [ЛИ ок. 1425, л. 167 об. (1153)], а также в топониме Хоробричи, на который А. Корепанова ссылается.

Мы этот топоним объяснили также как посессивное производное на *-jь, но от личного имени Хоробръ (южнославянское Храбръ). На существование этого личного имени в древнерусском языке указывает притяжательное прилагательное на -овъ Хоробровъ в грамоте 1389 г. (см. выше – п. 2.1.3), а также фамилия Хоробров [Веселовский 1974: 342]. На южнославянской почве помимо черноризца Храбра на существование антропонима Храбръ указывает древнесербский топоним Храброво поле [Маројевић 1987в: 6].

Согласно этому толкованию, другие формы топонима в древнерусских памятниках объясняются просто – 1) вставкой беглого *o* в форме именительно-винительного падежа (в связи с процессом падения редуцированных): и оттуду ѿха... на Хороборъ [Моск. лет., 66. К. XV в. (1159)], ср.: Левъ князь думенъ и хороборъ и крѣпокъ на рати [ЛИ ок. 1425, л. 307 (1291)]; 2) отверждением конечного *p'* основы: и ѿтудѣ ѿха... на Хороборъ [ЛИ ок. 1425, л. 179 об. (1159)], ср. выше: Володимиръ → Володимиръ (современное Владимир).

2.2.4. Засвидетельствованный в Ипатьевской летописи топоним: взяти Черниговъ съ зю городъ пустыхъ Моровиескъ. Любескъ. Оргоуцъ. Всеволожъ [ЛИ ок. 1425, л. 179 (1159)] С. Роспонд реконструирует как *Op(o)гоуцъ*, без каких-либо комментариев [Роспонд 1972: 64]. А. Корепанова топоним приводит в засвидетельствованной форме *Оргоуцъ* и толкует как посессив на *-j(ь) от древнерусского личного имени *Оргостъ, двусосновного по структуре, состоящего из *or-, что в *orati*, и *gost- [Этимологичний словник... 1985: 95–96].

Мы топоним реконструируем в форме *Orogoščъ* и толкуем его как субстантивированный посессив на *-jь от личного имени *Orogostъ*: *Orogoščъ* (< **Orogostjъ*) *gorodъ* (субстантивацией > *Orogoščъ*) [Маројевић 1985а: 79; Маројевић 1987в: 10–11]. Реконструкция основывается на следующих аргументах. Во-первых, праславянский закон открытых слогов не допускал группу звуков *org- в начале слова (*org- в древнерусском переходило в зависимости от интонации в *rag-* или *rog-*). Во-вторых, двусосновные имена образовывались с помощью соединительного гласного (интерфикса), восходящего к тематическому гласному основ на **ō*. В-третьих, личное имя *Orogostъ*, словообразующая основа посессива *Orogoščъ*, засвидетельствовано в древнерусском языке: послаша... *Orogostя*. и Ратибора [ЛЛ 1377, л. 92 (1100)].

А. Корепанова, как и некоторые другие ономасты, личные имена данного типа реконструирует с компонентом *-gostъ. Реконструкция неверна, поскольку сложные имена на -gostъ, как и существительное *gostъ*, первоначально относились к древним основам на **i* мужского рода. После смягчения полумягких согласных они примкнули к склонению древних **iō* основ. Засвидетельствованы в летописях именительный падеж: заложи Воугостъ. цркъвь стго Федора Тирона [ЛН XIII, л. об. (1175)] и винительный с выраженной категорией одушевленности: убиша... Доброгостя [ЛИ ок. 1425, л. 246 об. (1205)]. Формы вин. пад. *Orogostя* (см. выше) и Доброгостя указывают, что имена на -gostъ перешли в склонение древних основ на **iō* к концу XIV – началу XV века, т.е. к периоду создания соответствующих списков летописей.

2.2.5. Ойконим *Сѣраѣ*: и поиде къ граду. на Изяслави^Ч и въ *Спашу* угониша и [ЛИ ок. 1425, л. 126 (1147)]; Половци... ѿтуда же идоша на *Спашь*. та на Глуховъ [ЛИ ок. 1425, л. 164 (1152)] С. Роспонд связывает с существительными *пашня*, *паша* 'пастбище' [Роспонд 1972: 74], В. Нерознак – с диалектным словом *спаш* 'потрава, порча скотом' [Нерознак 1983: 161]. Согласно нашему толкованию [Маројевих 1985а: 76], ойконим возник в результате эллипсиса существительного *монастырь* в посессивной синтагме *Сѣраѣ monastyрь*; посессив *сѣраѣ* образован суффиксом **-jь* от существительного *сѣрасъ* 'спаситель' (ср. название праздника *Спашь день* [Фролова 1963: 35]). С образованием поселения вокруг монастыря экклезионизм *Сѣраѣ* (*monastyрь*) превратился в ойконим с новой мотивировкой: *Сѣраѣ* (*gorodъ*).

2.2.6. Переосмысление топонима происходит и с преобразованием поселения сельского типа в город. Приведем пример из древнерусской топонимии. В результате эллипсиса определяемого существительного *selo* в синтагме *Bogoluboje selo* возник топоним *Боголюбое*, засвидетельствованный в Новгородской и Лаврентьевской летописях: въ *Бѣлюбѣмь* [ЛН XIII, л. 39 (1174)]; полату красну сию създа въ Володимери. и в *Бѣлюбѣмь* [ЛЛ 1377, л. 124 (1175)]; ѣхаша по князя в *Бѣлюбое*. и взявше тѣло его [ЛЛ 1377, д. 125 (1175)]; постриже ся в черныѣхъ в монастыри в *Бѣлюбомь* [ЛЛ 1377, л. 149 об. (1214)]. С изменением типа поселения (согласно летописи город основан в 1175 г.) изменился морфологический тип топонима, но это изменение отразилось только в Ипатьевской летописи: князь Андрѣи суждальский... создалъ же бѣшетъ собѣ город каменъ. именемъ. *Бѣлюбьи*. толь далече. якоже Вышегородъ ѿ Кыева. тако же и *Бѣлюбьи* ѿ Володимѣря [ЛИ ок. 1425, л. 205 об. (1175)]; и въ *Боголюбомь*. и въ Володимѣрьѣ городѣ [ЛИ ок. 1425, л. 206 (1175)]. Современный вид топонима *Боголюбов* явно вторичен: он возник в результате словообразовательной адаптации по модели топонимов с суффиксом *-овъ*.

С. Роспонд топоним приводит в форме *Боголюбов* (1175 г.) [Роспонд: 1972: 68], считая, что название города возникло "по имени основателя князя Андрея Боголюбского". Объяснение явно неверно: прилагательное *боголюбский* (определение к титулу *князь*) мотивируется топонимом *Боголюбое*, *Боголюбый*, а не наоборот. В. Нерознак, приведя форму *Боголюбовъ* в качестве основной, в топониме видит древнерусское прилагательное в значении 'любящий бога' [Нерознак 1983: 23].

Мы топоним толкуем как посессивное образование с суффиксом *-ъ < *-os*, который в топонимии встречается в членной форме [Бошковић 1978: 380]. Антропоним *Боголюбъ* семантизируется как 'любимый богами'.

2.3. Третий формально-грамматический тип древнеславянских топонимов представляют собой синтетические формы, возникшие в результате суффиксации посессива (суффиксальный способ субстантивации притяжательного прилагательного). Так, сербский ойконим *Ивањица*, имеющий прозрачную словообразовательную структуру, образован с помощью суффикса *-ica* от основы посессива *Ivaña* (в посессивной синтагме *Ivaña vьsbъ*).

Топоним *Šelomъica*: тогда же о Костельницѣ воеваша и *Шоломницу* взяша, Мстиславлеѣ княгини [Воскр. лет. VII, 71. К. XVI в. (1159)] И. Железняк толкует как существительное на *-ица* от *шеломънъ*; в качестве словообразовательной основы указывает на нарицательные существительные *шеломъ*, *шеломя* и на антропонимы *Шеломъ* и *Шеломя* [Этимологічний словник... 1985: 175]. Мы ойконим объясняем как суффиксальное производное на *-ica* от основы посессива *Šelomънъ*, посессив же как образование с суффиксом *-ьнъ* от личного имени *Šelomъ*. Реконструкция основывается на том, что в XVI–XVII вв. засвидетельствованы личные имена *Шеломъ* и *Шеломя* [Тушиков 1903: 495], а также фамилии *Шеломов* [Веселовский 1974: 364], и на существовании посессивного суффикса *-ьнъ* в русской и славянской топонимии (см. п. 3.1.3).

2.4. Четвертый формально-грамматический тип древнеславянских топонимов представляют собой синтетические формы, возникшие в результате лексико-синтаксичес-

кого словообразования (сращения формы посессива с формой анафорического местоимения *jь*). Этот тип топонимов представлен двумя древнерусскими экклезионимами, представляющими собой результат побочного семантического развития антропонимической категории имен по мужу: *Пирогощая* (см. подробнее [Мароевич 1993б]) и *Иваньковая* (см. подробнее [Мароевич 1985: 90–93]).

III. СЕМАНТИКА ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ТОПОНИМОВ

3.1. Первый понятийно-семантический тип древнеславянских топонимов представляют собой синтетические и аналитические формы, выражающие принадлежность и отвечающие на вопрос, кому принадлежит объект посессивности (город, село, нива и т.д.). Семантическим ядром таких названий является собственно посессивная категория (притяжательное прилагательное, в более позднее время также родительный принадлежности). Родительный принадлежности при этом использовался только в посессивных синтагмах в качестве несогласованного определения (п. 2.1.2.; 2.1.5). Посессивы, выражающие значение принадлежности, имели более широкие грамматические возможности: они выступают в синтагмах в качестве согласованного определения (п. 2.1), подвергаются субстантивации – в результате эллипсиса определяемого существительного (п. 2.2), суффиксации (п. 2.3) или сращения с постпозитивным членом как признаком определенности (п. 2.4).

3.1.1. Притяжательные прилагательные от личных имен создавались без ограничений в праславянском языке с помощью основообразующего суффикса *-ъ < *-os* [Бошковић 1978: 379; Мароевич 1989б: 125–126]. В результате эллипсиса существительного женского рода *vъсь* 'село', *niva* и т.п. в посессивных синтагмах типа *Miloslava vъсь*, возникли топонимы типа *Miloslava* (в сербском языке – *Milосавa* – упрощение группы согласных).

В связи с субстантивацией посессивных форм в топонимии возникает вопрос: могли ли топонимы в праславянском языке возникать в результате субстантивации родительного принадлежности? Интересны в этом отношении толкования Р. Бошковича. В одной статье он в древнейших греческих топонимах славянского происхождения *Zapyda* (Лакония) = *Ŝyrnota*, *Σερβιάνα* (Эпир) = *Syrběna* реконструирует родительный принадлежности имен собственных *Ŝyrnotъ*, *Syrběnъ*, признавая тем самым возможность субстантивации посессивного генитива в топонимии [Бошковић 1978: 373, 377]. В другой статье, о топонимах (в форме женского рода) *Milosava*, *Mirosava*, *Ranisava*, *Martina*, *Dobrašina*, *Radiša* в сербском ономастиконе и *Adama*, *Ciechmana*, *Niesuła*, *Szczepana* в польском, Р. Бошковиц говорит, что "никаким анализом нельзя установить, что они на самом деле в конкретных случаях исторически представляют собой: посессивные генитивы единственного числа личных имен мужского рода или древние прилагательные (ныне существительные) женского рода на *-a*" [Бошковић 1978: 380].

В пользу нашего толкования (субстантивация притяжательного прилагательного в форме жен. рода ед. числа) можно привести два аргумента. Во-первых, в языке со строгой грамматической структурой, каковым являлся праславянский, нельзя предположить возможность субстантивации посессивного генитива как формы, не являющейся носителем склонения. Во-вторых, в известную эпоху развития праславянского языка (а эта эпоха закончилась задолго до расселения славян в Греции) стало грамматически невозможным употребление родительного принадлежности существительного, и в результате – именной родительный принадлежности был заменен суффиксальными посессивными категориями [Мароевич 1989б: 124]. Таким образом, во время возникновения упомянутых южно- и западно-славянских топонимов в живом языковом употреблении в кругу личных имен посессивного генитива вообще не было (выступали в функции принадлежности только притяжательные прилагательные, среди них и посессивы с суффиксом *-ъ < *-os*).

3.1.2. В старославянском языке засвидетельствованы притяжательные прилагательные *любодѣи* [Старослав. сл. ... 1994: 316], *прѣлюбодѣи* [Старослав. сл. ... 1994: 545], *томитель*² [Старослав. сл. ... 1994: 699] и *цѣсарь*² [Старослав. сл. ... 1994: 774–775], которые Р. Бошкович объяснил как "праславянские адъективные образования на -'ъ, -'а, -'е < -ъ, -а, -о" [Бошкович 1978: 383]. В древнерусских памятниках засвидетельствованы притяжательные прилагательные *цѣсарь*, *иконоразбитель*, *любодѣи*, а также отпатронимические прилагательные *Творимиречь*, *Лукиничь*, *Глѣбовичь* [Маројевич 1985а: 45–48].

Посессивы на -ъ отражены в топонимии. В славянских названиях Константинополя *Цѣсарь градъ*, *Царь градъ* [Фролова 1959: 259–260; 1963: 29] представлена посессивная синтагма с притяжательным прилагательным *сѣсарь* 'цесарев, принадлежащий цесарю'. В результате эллипсиса существительного *городъ* возникли древнерусские топонимы *Вседобречь* (село в Московской области, засвидетельствованное в начале XIV века [Селищев 1968: 82]) и *Деревичь*: Данилъ же возъма плѣнь многъ врати ся и пойма грады ихъ. *Деревичь* [ЛИ ок. 1425, л. 267 (1241)].

Словообразовательная история топонима *Вседобречь* может быть представлена следующим образом: личное имя – *Vъsedobrъ*, посессив на -*jъ – *Vъsedobrъ*, патроним – *Vъsedobrĭčь* (образованный с помощью суф. -ičь от основы посессива), отпатронимическое притяжательное прилагательное – *Vъsedobrĭčь* (образованное с помощью суффикса -ь < *-os); эллипсис существительного *городъ*: *Vъsedobrĭčь городъ* → *Vъsedobrĭčь*; изменение статуса ойконима: город → село.

Ойконим *Деревичь* В. Нерознак толкует следующим образом: "Название по форме патронимическое образование от др.-русс. *дерево*, *дрѣво*, *древо*" [Нерознак 1983: 66]. Л. Масенко топоним объясняет, с оговоркой "возможно", как существительное на -ичь от названия восточнославянского племенного союза *Дерева* [Этимологічний словник... 1985: 49]. Согласно нашему толкованию [Маројевич 1985а: 100–101], ойконим *Derevičь* возник в результате субстантивации (эллипсиса существительного *городъ*) в синтагме *Derevičь городъ* 'город деревлян, деревичей'; отэтнонимический посессив *Derevičь* образован суф. -ь от варианта этнонима *Derevičĭ*, этноним же в свою очередь образован (этнонимическим) суф. -ičь от основного варианта топонима (точнее: этнотопонима) *Dereva*: послуша ихъ Игорьъ. иде в *Дерева* в дань [ЛП 1377, л. 14 об. (945)]. Исходить из патронимического значения нет никакого основания (тем более от нарицательного существительного *дерево*). Толкование Л. Масенко также неприемлемо: по отдельному представителю племени, транспозицией сингулятивной формы, города не называются; при этом сингулятивом к *Derevičĭ* скорее всего выступала форма **Derevitinъ* (по крайней мере в древнерусском языке).

3.1.3. Посессивный суффикс -ьнѣ в старославянских и древнерусских памятниках был лексико-семантически ограничен именами со значением семейно-родственных отношений, тогда как славянская топонимия сохраняет следы его употребления от антропонимических основ [Бошкович 1978: 363–368; Маројевич 1983].

В летописном фрагменте: Ярополкъ... затворися въ градѣ *Родьни* [ЛП 1377, л. 24 об. (980)] обычно реконструировали ойконим в форме женского рода **Rodьna* (ср. [Тихомиров 1956: 13, 55 и др.; Роспонд 1972: 60]). Согласно этому С. Роспонд топоним включает в производные с суффиксом -ьна, считая что этот формант "в апеллятивах встречается прежде всего в *nomina loci*: польск. *studnia*: *studzić* 'место с холодной водой', *stajnia* 'скотный двор', *łaźnia* и т.д." [Роспонд 1972: 30]. Мы из формы местного падежа въ градѣ *Родьни* вычленили исходную форму *Rodьnъ* по лингвистическим соображениям: топоним в летописном тексте выступает приложением к апеллятиву *градъ*; формы мужского рода характерны для древнерусских названий городов, возникших в результате субстантивации посессивов на -jъ, -evъ/-ovъ, -inъ

[Маројевић 1985а: 84–85]. И. Железняк нашла этому филологическое подтверждение: бѣжа в *Родень* [Ерм. лет., 12. XV в., сп. XV–XVI вв.]. Она принимает толкование С. Роспонда как самое верное, но возможным считает также мнение Б. Рыбакова, объясняющего топоним как субстантивированный адъектив на -ѣн- от теонима *Родъ*, древнего верховного языческого бога славян [Этимологічний словник... 1985: 115–116].

Толкование Роспонда отпадает тем самым, т.к. не подтверждено словообразовательное членение топонима (*rod-* + суф. *nomina loci -ѣна*). Маловероятным кажется и отождествление словообразующей основы субстантивированного посессива с теонимом *Родъ*: подавляющее количество древнерусских названий городов возникло в результате субстантивации посессива от личного имени владельца или основателя, ни в одном достоверно не прослеживается происхождение от имени божества. Поэтому приходится принять наше толкование, согласно которому ойконим *Родѣнь* возник субстантивацией посессива на -ѣнь от личного имени *Родъ* в синтагме *Родѣнь городъ*, а это толкование строится на следующих основаниях. Во-первых, словообразующая основа топонима, личное имя *Родъ*, засвидетельствована в древнерусских памятниках: яша... Иванка Творимича. *Рода* тивуна его. и ины многы [ЛИ ок. 1425, л. 194 об. (1171)]. Во-вторых, суффикс -ѣнь как словообразовательный формант имел посессивное значение, и он засвидетельствован в топонимии антропонимического происхождения³. В-третьих, судя по первому упоминанию в Лаврентьевской летописи, где ойконим сопровождается апеллятивом *градъ*, все еще сохранялась функция определения у посессива *Родѣнь*: въ *градѣ Родѣни*.

3.2. Второй понятийно-семантический тип древнеславянских топонимов представляют собой синтетические формы, выражающие обладание и отвечающие на вопрос, что имеет субъект посессивности (*gorodъ, selo, vьsь* и т.д.). Семантическим ядром таких названий является квалитативно-посессивная категория (посессивы, выражающие значение обладания). В квалитативно-посессивных формах пересекаются две понятийно-семантические категории – квалитативность и посессивность (о соотношении собственно посессивных и квалитативно-посессивных категорий см. [Мароевич 1989б: 122]). Посессивы, выражающие значение обладания, подвергаются субстантивации в результате эллипсиса определяемого существительного.

3.2.1. Словообразующей основой может быть отвлеченное существительное (*krasa*), словообразовательным формантом – квалитативный суффикс -ѣнь: *Krasънь gorodъ* (при субстантивации > *Krasънь*); адъективная форма *krasънь* характеризуется квалитативно-посессивным значением 'имеющий красу, красивый'. С. Роспонд топоним включает в названия с непосессивным формантом -ѣнь [Роспонд 1972: 71]. В. Нерознак считает неоправданной "конъектуру С. Роспонда *Красънь* вм. *Краснь*", так как "все летописные варианты указывают на топооснову *Краснь*" [Нерознак 1983: 97–98]. Однако все летописные показания относятся к эпохе после падения редуцированных: на той же сторонѣ у *Красна* Половци побѣдихомъ [ЛЛ 1377, л. 82 (1096)]; почаша воевати. ꙗ Трьполя. около *Красна* [ЛИ ок. 1425, л. 111 (1136)]; а Романови Вячеславлю. внуку. да Ростиславъ Васильевъ и *Краснь* [ЛИ ок. 1425, л. 187 об. (1165)]. Утратой редуцированного в слабой позиции объясняется род. пад. *Красна*, выравниванием основ в пользу косвенных падежей – им./вин. пад. *Краснь*.

3.2.2. Словообразующей основой может быть фитоним (*orěchъ*), словообразовательным формантом – квалитативный суффикс -овъ: *Orěchovъ ostrovъ* (при субс-

³ Посессивность суффиксов *-ѣь, -евъ/-овъ, -инъ (и их отражение в топонимии) не нуждается в доказательстве.

тантивации > *Orěchovъ*); адъективная форма *orěchovъ* характеризуется квалитативно-посессивным значением 'имеющий орехи, обросший орехами': ходиша Новгородци... и поставиша горо^д на усть Невы. на *Орѣховомъ островѣ* [ЛН 1/2 XIV, л. 163 (1323)]; нарядилъ. костры во *Орѣховѣ* [ЛН XIV, л. 168 об. (1352)]. В. Нерознак отождествляет эти два топонима [Нерознак 1983: 130–131]. Предлог *въ* скорее всего указывает на другую номинацию первого топонима: *Orěchovo selo* (или *pol'e*).

3.2.3. Словообразующей основой может быть синтагма (*tri pol'a, šestь pol'ь*), словообразовательным формантом – посессивный суффикс -ь < *-'os (см. п. 3.1.2.) в квалитативно-посессивном значении: *Трьпол'ь gorodъ* (при субстантивации > *Трьпол'ь*), *Šestьpol'ь gorodъ* (при субстантивации > *Šestьpol'ь*).

Достоверность реконструкции *Шеполь* < *Шестьполь* '(город), имеющий шесть полей', '(город), расположенный на шести полях' увеличивается, во-первых, потому что топоним известен по списку летописи эпохи после утраты редуцированных, когда соответствующие изменения могли совершаться: то вда^м ти которой ти городъ любъ. любо Всеволожъ. любо Ше^еполь. любо Перемиль [ЛЛ 1377, л. 89 об. (1097)]; во-вторых, тем, что данная словообразовательная модель засвидетельствована в древнерусской ойконимии (*Трьполь*, см. ниже). Данную этимологию С. Роспонд считал возможной: "Понятен второй член -поль < поле, но неясна этимология первого члена ше- (может быть, шесть, ср. *Треполь*, *Триполь*)" [Роспонд 1972: 54].

С. Роспонд первичной считает форму *Треполье*, вторичной – *Треполь* [Роспонд 1972: 53]. Однако автор не приводит документального подтверждения для первой формы. В древнерусских памятниках ойконим засвидетельствован в форме *Трьполь*: побѣдиша... на *Трьполи* [ЛН XIII, л. 6 (1093)]; на Възнесење Гне еже у *Трьполя* [ЛЛ 1377, л. 74 (1093)]; и мнози погыбоша [и быша] мертви паче неже у *Трьполя* [тем же]. И в форме *Треполь*: и поиде... къ *Треполю* [ЛЛ 1377, л. 73 (1093)]; минувше *Треполь* [ЛЛ 1377, л. 73 об. (1093)]; близъ *Треполя* [ПКП 1406, л. 138 г (1225–1226)]. Засвидетельствованные варианты объясняются следующим образом: редукция гласного в первом компоненте словообразующей основы (*tri* → *trь*); вокализация редуцированного в сильной позиции (ударяемость первоначально характеризовала и первый компонент топонима): *Треполь*.

3.3. Третий понятийно-семантический тип древнеславянских топонимов представляют собой синтетические формы, выражающие реляционное значение. Семантическим ядром таких названий является относительное прилагательное с суффиксом -ьскъ, подвергающееся субстантивации в результате эллипсиса определяемого существительного.

3.3.1. Словообразующей основой может быть гидроним (название реки, реке – озеро). Словообразовательное значение субстантивированного адъектива на -ьскъ – '(город), расположенный на реке [...]': "**Витебск**, др.-русс. *Витьбьскъ* – местн[ое] н[азвание], от названия реки *Витьба*, притока Зап[адной] Двины" [Фасмер, I: 321]. После падения редуцированных ойконим получил один вид в им./вин. пад.: поехалъ у *Витьбескъ* [Гр ок. 1300 (2, рижск.)], с ассимиляцией по звонкости: Полотескъ. *Видьбескъ* одно есть [Гр 1265 (з.-р.)]. Другой вид – в косвенных падежах: поехалъ изъ *Витебьска* у Смольнескъ [Гр ок. 1300 (2, рижск.)]. В дальнейшем происходит выравнивание основ в пользу косвенных падежей – сначала переносится результат вокализации первого редуцированного и ассимиляция по глухости: посла Дѣдъ... в помочь зятю своему на *Витепескъ* [ЛЛ 1377, л. 140 (1196)], а потом был утрачен беглый гласный на месте второго редуцированного: Ярославъ... Давыда винить. про *Витебьскъ*. аже помогаетъ зятю своему [ЛИ ок. 1425, л. 238 об. (1195)].

Ойконим *Вузьскъ* семантизируется как '(город), расположенный на реке *Вугъ*'. После падения редуцированных он получил разную основу в им./вин. и прочих

падажах: и въспѣте и... у Бужьиска. и не смѣ Давидъ стати противу Володареви. и затвори ся въ Бужьскѣ и оступи градъ Бужескъ Володарь [ЛИ ок. 1425, л. 91 об. (1097)]. Не учитывая особенностей склонения в эпоху после падения редуцированных, В. Нерознак в данном фрагменте видит "три разных варианта топонима Бужьискъ. Бужьскъ и Бужескъ" [Нерознак 1983: 30].

Топоним *Izborьskъ* семантизируется как '(город), расположенный на озере Избор' (ср. [Роспонд 1979: 29]). Первоначально С. Роспонд название трактовал как притяжательное прилагательное от личного имени *Избор*, считая возможной для суффикса *-ьскъ* собственно посессивную функцию [Роспонд 1972: 21]. Неверную трактовку повторяет В. Нерознак [Нерознак 1983: 78–79]. Суффикс *-ьскъ* не мог иметь индивидуально-посессивного значения [Маројевич 1985а: 95].

3.3.2. Словообразующей основой мог служить помет *loci* (в основе которого помет *actionis*): **кѣрѣъ* 'выкорчеванное пространство' (ср. [Фасмер, II: 340]). Словообразовательное значение ойконима **Кѣрѣъскъ* – '(город), расположенный на месте выкорчевания'. После падения редуцированных ойконим склонялся по образцу: им./вин. пад. *Корческ*, род. пад. *Кореческа*: и ту пристави к нему сѣа своего. Мьстислава до *Коречьска*. и тако проводивъ и за *Корческъ* [ЛИ ок. 1425, л. 144 (1150)]. С. Роспонд топоним приводит в двух вариантах: "*Корчѣск*, или *Корческ* (1150 г.)" [Роспонд 1972: 66]. Ошибку повторяет В. Нерознак, который также в летописном тексте увидел два варианта ойконима, *Корческъ* и *Корчѣскъ*: "Исходной формой, по-видимому, следует считать вариант *Корческъ*, в основе которого лежит слово *корч* 'выкорчеванный пень'" [Нерознак 1983: 95]. Следует добавить, что в ойкониме проявляется ранний рефлекс второго полногласия: **Кѣрѣъскъ* > *Кѣръѣъскъ*.

3.3.3. Словообразующий основой могла выступать синтагма (*devetъ gorъ*): *Devetъ-gorьskъ* > *Devätъgorьskъ*. Словообразовательное значение ойконима – '(город), расположенный на девяти горах'. Реляционное значение здесь приближается к качественно-посессивному (ср. п. 3.2.3). Достоверность словообразовательно-семантической реконструкции, которую не исключает и С. Роспонд [Роспонд 1972: 65], увеличивается, во-первых, наличием топонимов схожей словообразовательной структуры (*Трьпол'ъ*, *Še[stъ]pol'ъ* – см. выше), во-вторых, тем, что ойконим засвидетельствован впервые в летописи начала XV века, когда соответствующие изменения (утрата слабого редуцированного, ассимиляция по звонкости, упрощение группы согласных: *tvъ* > *tg* > *dg* > *g*) могли совершиться: иде *Девягорьску* [ЛИ ок. 1425, л. 126 (1147)]; приде... *Девягорьску* [там же]. Другие этимологии – "возможно первоначально Деревягорск" [Роспонд 1972: 65], от топонимической синтагмы *Дѣвьа гора* (ср. [Нерознак 1983: 66]), "возможно сопоставление с именем личным *Девгений*" [Роспонд 1972: 65] – связаны с большими фонетическими и семантическими трудностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бошковић Р. 1978 – Одобрани чланци и расправе. Титоград. 1978.
Веселовский С.Б. 1974 – Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
Мароевич Р. 1985 – Семантическая двуплановость посессивных производных типа *Иванъкова* в древнерусском языке (к толкованию грамматики и семантики форм в русском историческом языкознании) // ФН. 1985. № 3.
Мароевич Р. 1988 – Этимология. 1985. М., 1988 – Рец.: Нерознак В.П. Названия древнерусских городов.
Мароевич Р. 1989а – Дискусијна експериментална лексикографична праца // Мовознавство. Київ. 1989. № 4.
Мароевич Р. 1989б – К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология. 1986–1987. М., 1989.
Мароевич Р. 1993а – Методологические вопросы словообразовательно-семантической реконструкции древнеславянских топонимов // XI medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé. Bratislava. 1993.
Мароевич Р. 1993б – Пироговая в "Слове о полку Игореве" и древнерусских летописях // ФН. 1993. № 1.
Маројевич Р. 1983 – Посесивни придеви са суфиксом *-ьъ* у историји руског језика // Зборник [Матице српске] за филологију и лингвистику. Нови Сад. 1983. Књ. XXVI/I.

- Маројевић Р. 1985а – Посесивне изведенице у староруском језику: Антропонимски систем. Топонимија. "Слово о полку Игореве". Београд, 1985.
- Маројевић Р. 1985б – Прилози творбено-семантичкој реконструкцији староруских топонима // Ономатолошки прилози. Београд, 1985. Књ. VI.
- Маројевић Р. 1987а – О једном тумачењу староруских назива градова // *Onomastica jugoslavica*. Zagreb, 1987. Књ. 12.
- Маројевић Р. 1987б – Зборник [Матице српске] за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1987. Књ. XXX/I. – Рес.: Железняк И.М., Корепанова А.П., Масенко Л.Т., Стрижак О.С. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. 1987.
- Маројевић Р. 1987в – О етимолошкој обради староруских топонима... // Ономатолошки прилози. Београд, 1987. Књ. VIII.
- Маројевић Р. 1987г – Методолошка питања творбено-семантичке реконструкције средњовековних топонима (на примеру староруских назива градова) // Зборник Шесте југословенске ономастичке конференције (Доњи Милановац, 9–12 октобар 1985). Београд, 1987.
- Маројевић Р. 1987д – О постанку топонима *црква Димитрија* // Зборник [Матице српске] за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1987. Књ. XXX/I.
- Нерознак В.П. 1983 – Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Роспонд С. 1972 – Структура и стратиграфия древнерусских топонимов / Перев. Нерознак В.П. // Восточнославянская ономастика. М., 1972.
- Роспонд С. 1979 – *Miscellanea onomastica Rossica* / Перев. Нерознак // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979.
- Селищев А.М. 1968 – Избранные труды. М., 1968.
- Словарь XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10-ти томах. М., 1988. Т. I.
- Старослав. сл. ... 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под. ред. Цейтлин Р.М., Вечерки Р., Благовой Э.М., 1994.
- Тихомиров М.Н. 1956 – Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956.
- Туников Н.М. 1903 – Словарь древне-русских личных собственных имен // Зап. ОРЯС. СПб., 1903. Т. VI.
- Фасмер М. 1996 – Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах / Перев. и доп. О.Н. Трубачева. СПб., 1996.
- Фролова С. 1959 – История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом *-j*, *-ьj* по древнерусским письменным памятникам XI–XVII вв. // Уч. зап. Куйбыш. пед. ин-та. 1959. Т. 27.
- Фролова С.В. 1962 – История образования притяжательных и притяжательно-относительных прилагательных с суффиксами *-j/-ьj* и *-ов/-ев* в русском языке: Автореф. докт. дис. ... филол. наук. Куйбышев, 1962.
- Фролова С.В. 1963 – История образования притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом *-ов/-ев* в русском языке // Уч. зап. Куйбыш. пед. ин-та. 1963. Т. 38.
- Етимологічний словник... 1985 – Железняк И.М., Корепанова А.П., Масенко Л.Т., Стрижак О.С. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985.